

Лариса Подистова

ОДИНОЧЕСТВО

Рассказ

— Пап, а настоящие, непридуманные инопланетяне — они какие?

Серо-голубые отцовские глаза изумленно заглянули в серо-голубые же детские.

— «Настоящие непридуманные» — это как?

— Ну... — Девятилетний Толик заерзал на широком деревенском табурете. — Не из мультиков и не из книжек, а из жизни!

Папа внимательно посмотрел на мясистую темно-красную клубничину, которую держал двумя пальцами за травяной хвостик. Отправив ягоду в рот, он озадаченно покачал головой:

— Никогда не сталкивался с ними в жизни, сынок. И не думаю, что когда-нибудь столкнусь.

— Это почему?

— Потому что инопланетян не бывает.

Толик недоверчиво хмыкнул. На самом деле он хотел бы хмыкнуть так, как это делал баба-Катин Мишка — пренебрежительно и залихватски, — но уже успел усвоить, что отцу с матерью Мишкины манеры не нравятся. Выудив из тарелки с клубникой ягоду покрупнее, он проворчал:

— Ну да, как же — не бывает! Сто раз их видели!

— Кто видел, если не секрет?

— Эти... как их... ученые, журналисты всякие, просто люди...

— Враки всё! — сурово сказала мама.

Она сердилась на папу за то, что тот не повел Толика после обеда на речку, как обещал, а просидел все время на завалинке возле соседского дома с трактористом Семеном. У Семена была сломана рука, поэтому он не работал, а шатался по селу и всем намекал, что ему неплохо бы «принять внутрь» для поправки здоровья.

— Гм, — неопределенно отозвался папа и взял еще одну клубничину. Горка ягод на тарелке быстро таяла. Толика это не расстраивало: клубники у бабушки росло много и собирать ее было одно удовольствие, не то что лазать в шипастые кусты за жимолостью или малиной. — Понимаешь, Толька, никто из ученых пока так и не сказал, точно он видел инопланетян или нет. Ученые — люди серьезные, у них работа такая: во всем сомневаться. Вдруг это был оптический обман или необычное погодное явление, а ты уже раструбил по всему миру, что засек настоящую летающую тарелку... Журналисты — другое дело, им нужны громкие новости, чтобы читатели покупали их газету или журнал. Ну а просто люди... Просто люди могут просто ошибаться.

Папа аппетитно причмокнул и отодвинулся от стола:

— Всем спасибо, было очень вкусно!

— Но Мишка-то видел инопланетян! — не сдавался Толик. — Он мне даже поклялся! Честно-пречестно!

Мама только хмыкнула и начала убирать посуду.

— Да я верю, сынок, верю, что Мишка тебе клялся. Он вообще слишком часто клянется, на мой взгляд. И совершенно зря: клятва — вещь серьезная...

— Инопланетяне — тоже вещь серьезная! — перебил Толик, испугавшись явного папиного намерения изменить тему разговора. — Вот представь, что ты потерпел аварию на чужой планете. Приходишь к людям за помощью, а они говорят: не будем тебе помогать, потому что тебя не бывает! Тебе бы такое понравилось?

— Думаю, что нет, — ошарашенно признал отец. — С такой стороны я как-то не смотрел на проблему. Но... Видишь ли, для того чтобы на какой-нибудь планете во Вселенной возникла жизнь, нужно очень много совпадений. Чтобы был кислород, чтобы развитая атмосфера защищала от вредного солнечного излучения, а полезное пропускала. Чтобы хватало воды, чтобы поверхность планеты успела остыть... Словом, то, что живые бактерии, а потом и остальные существа появились и выжили на Земле, — это настоящее чудо. А чудеса не повторяются. Я уж не говорю про то, что путь от бактерий до разумных созданий ого-го как далек и сложен! Нет, милый, люди во Вселенной одиноки. Нравится нам это или нет, лучше привыкать к этой мысли.

— А Мишка говорит, он видел пришельцев с хоботами и вот такими когтями...

— Убери локти со стола! — приказала мама и быстро вытерла цветастую клеенку тряпкой. — Мишка твой фильмов американских насмотрелся. Как раз недавно какую-то муру показывали про пришельцев, там точно такие же уроды были. Я краем глаза видела.

Толик посмотрел на мать с обидой. Жаль было разочаровываться в Мишкиных рассказах и признавать что, как дурачок, повелся на выдумку.

— Вот если бы вы мне разрешали смотреть такие фильмы, я бы, может, тоже Мишке бы не верил!

— Если бы мы разрешали тебе смотреть такие фильмы, у тебя голова была бы забита чем попало, — парировал папа. — Прямо как у Мишки. Иди лучше отнеси Тарзану косточки, которые от ужина остались.

Толик неохотно сполз с табурета. Неохота была не совсем искренней, потому что Толик любил, когда Тарзан, радуясь угощению, прыгал вокруг него и норовил встать лапами на грудь. Но оставлять победу в споре за взрослыми казалось досадным. Толик вздохнул, заглянул с веранды в тесную кухню, прихватил там со стола миску с костями и отправился во двор к собачьей будке. Проходя опять через веранду, он услышал:

— Если бы папа поменьше занимался алкашами и побольше ребенком, у его сына в мозгах не было бы такой путаницы.

— Галя, ну сколько можно! Я и так стараюсь...

— Ты сегодня полдня на завалинке старался. Видели бы тебя твои студенты!

— Видела бы *ты* моих нынешних студентов!..

Толик поскорее сбежал по ступенькам, оставив родителей выяснять отношения.

Тарзан, высмотрев его издали, вскочил и бурно замахал хвостом, выражая нетерпение. Он уже чувствовал запах вкусных костей и к тому же знал, что с маленьким человеком можно весело поиграть.

— Ну погоди! Куда? Куда скачешь, баловник! — басом сказал ему Толик, невольно подражая бабушке Анне Сергеевне, и вывалил угощение в собачью миску. Бабушку многие называли «начальницей», и Толику казалось, что это из-за ее низкого командирского голоса, от которого любая, даже самая ласковая ее просьба звучала как приказ.

Тарзан слегка понурился, но, кажется, не всерьез. Он решил, что Толик играет в бабушку. К тому же кости сейчас интересовали пса гораздо больше. Он оглянулся на Толика, махнул хвостом из собачьей вежливости и уткнулся в еду.

Толик вздохнул. Уже свечерело, над лесом, замыкающим широкие ржаные поля, расплывалась темно-багровая, глубокая закатная краска. Золото в небе успело кончиться, весь небосвод, кроме этого небольшого красного лоскута на западе, наливался густыми темно-синими чернилами, в которых кое-где плавали слабенькие, полупрозрачные крошки звезд. Крошки эти то утопали в чернильной синеве, то снова выныривали, и казалось, что звезды подмигивают, чтобы Толик хранил секрет. «Мы живые, — говорили они. — Мы не мертвые. Вот еще!» Очень хотелось им верить, иначе и жизнь делалась совсем не интересной.

— Толюшка! — донесся издали ласково-командирский зов. — Внучек, чего не спишь? Галя, следи за ребенком, двенадцатый час уже!

Тарзан, заслышав хозяйку, прижал уши, но морды не поднял, продолжал старательно разделяться с сочной костью.

— Анна Сергеевна, не волнуйтесь, он все равно раньше не засыпает, — сдержанный голос мамы. — Толик, мой ноги и быстро в кровать!

— А вода опять будет холодная? — недовольно проворчал сын. — Зачем только эти колодцы выдумали — для белых медведей, что ли?

* * *

Где-то, наверное, незадолго до рассвета выпитое перед сном парное молоко подняло Толика и погнало на двор. Ежась в трусах и майке и спотыкаясь, он добрался до маленького опрятного домика за хлебом, справил дела и побрел обратно в кровать. На перилах крыльца, таинственно поблескивая желтыми лунными глазами, сидел бабушкин кот Мурза, крупный, при дневном свете рыжий, а сейчас какой-то пепельно-серебристый. Прошлого бабушкиного кота тоже звали Мурзой, но бабушка

обзывала его «мурзавцем» за то, что он не хотел ловить мышей, а вместо этого разорял птичьи гнезда и временами даже крал из курятника цыплят. За новым котом таких преступлений не водилось, зато вел он себя независимо, приходил и уходил, когда хотел. Иногда, словно вспоминая про хозяев, кот приносил им отгрызенные мышьи хвосты как доказательство своей службы и аккуратно клал у порога дома.

— Не спишь, Мурза? — сонно пробормотал Толик, останавливаясь и протягивая руку к пушистому кошачьему загривку. — И я не сплю...

Мурза дал себя погладить, но на ласку никак не отреагировал, а отвернулся и посмотрел куда-то вдаль.

Толик тоже посмотрел туда — ничего интересного не увидел, одну темноту. Нельзя было даже различить ворота и дорогу за ними, ведущую между полей. Земля кончалась довольно высоко над горизонтом волнисто-зубчатым краем леса, а еще выше висел космос. От его черноты и густой наполненности звездами захватывало дыхание. Звезд было много, очень много, просто непредставимо много — столько никогда не увидишь в городе, пусть и на укромных пустырях, потому что даже в самые поздние ночные часы откуда-нибудь да просачивается дальний свет. Здесь, в крошечной деревенской темноте, на окраине села, небо казалось близким и тяжелым от дымящихся в нем бесчисленных светлых точек. Воздух, уже успевший остыть после дневной жары, был неподвижным, и звезды тоже висели неподвижно, и дымка, в которую сливались самые мелкие из них, окутывала небо, как прозрачный блестящий мешок, а сквозь него просверкивали крупные белые искры. Сбоку над лесом сквозил тоненький робкий месяц, выглядевший сиротливо и несерьезно на фоне этого подавляющего звездного великолепия.

Толик смотрел на небо и думал. Разве справедливо, что ни на одной из тысяч или, наверное, даже миллионов и миллиардов этих звезд никто не живет? Зачем тогда их так много, зачем они вообще нужны? Если каждая из этих точек — на самом деле большое солнце, как говорят, то разве не правильнее, чтобы это солнце светило кому-то живому, пусть он с хоботом и когтями, или с панцирем, или даже со щупальцами? Для чего нужно такое огромное количество солнц и планет, если между ними не летают и никогда не полетят космические корабли, приветствуя миганием цветных огней другие суда, встреченные в долгих странствиях? Если все это мертвое и пустынное — зачем оно, как оно может быть? Для чего же тогда нам, людям, летать в космос, если нет и никогда, никогда не будет надежды встретить кого-то, похожего на нас?! Толик шмыгнул носом раз, другой... Тяжелое небо висело, грозя прорваться и высыпать сверху холодную мерцающую золу. Было зябко голым плечам и ногам, но не от ночного воздуха, а от чувства ненужности и заброшенности. И весь этот космос людям не нужен... И люди никому в нем не нужны... И Земля — такая маленькая и одинокая среди такой страшной мертвой звездной пустоты... И... и...

Толик тоненько завыл и залился слезами. Мурза посмотрел на него равнодушно, потерпел с минуту, пока мальчик обнимал его, вытирая мокрое лицо о теплый серебрищийся мех, потом мягко, но безжалостно высвободился, спрыгнул с перил во двор и неторопливо пошел, на глазах растворяясь в темноте, сливаясь с ней, как будто сам был из нее сделан. Раз блеснул издалека глазами — и исчез. Толик сел на ступеньки и тихо плакал, размазывая кулаками слезы. Ему было холодно и тоскливо, но нисколько не стыдно. Потом, немного успокоившись, он поднялся по лестнице, прошлепал через веранду и остановился перед дверью в комнату, где спали родители. За дверью было тихо, и Толик опять начал всхлипывать, уже почти нарочно, но тут отец громко вздохнул, поворачиваясь на постели, так что сразу стало как-то спокойнее. Больше всего хотелось залезть под одеяло и прижаться к теплому маминому боку. Но большим детям это уже не полагалось, поэтому Толик повздыхал немного в надежде, что родители услышат, проснутся и сделают хоть что-нибудь, чтобы жизнь перестала быть такой несправедливой и бессмысленной, а потом, не дождавшись, отправился в свою комнату. Там он с головой залез под одеяло, стараясь быстрее согреться, и вскоре, несмотря на щемящую тоску, которая никуда не делась, а по-прежнему сидела у него глубоко в горле, заснул.

Утром небо оказалось ярко-голубым и радостным, во всех направлениях пронизанным тонкими солнечными нитями. На дворе у хлева дурачки орал петух Яшка, как будто сам себя передразнивал. Куры ходили вокруг и деловито переговаривались. Бабушка уже звенела посудой, и радио на кухне бодро пикало, передавая московское время. Толик хмуро и недоверчиво посмотрел вверх. У него было подозрение, что настоящее небо он видел ночью, а сейчас оно просто маскируется под доброе и хорошее. Но, что уж говорить, добрым и хорошим оно нравилось ему гораздо больше. А после того как мама заставила его умыться ледяной водой из колодезного ведра, утро стало совсем похоже на правду... И вообще, долго горевать Толик все равно не умел.

За завтраком его так и подмывало задать папе пару важных вопросов, но бабушка зорко следила за тем, чтобы внук съел все, что положено на тарелку, поэтому вести серьезные разговоры было просто невозможно. А потом почему-то расхотелось. После завтрака, железно договорившись с родителями, что уж сегодня-то они все вместе после обеда сходят на речку, Толик вышел за ворота прогуляться.

Поле, которое начиналось почти сразу за бабушкиным плетнем, напоминало зеленое море. Колосья ржи, уже высокие и крепкие, скрывали внутри сладковатые мучнисто-молочные зерна, которые нравились Толику даже больше, чем такая же незрелая кукуруза. Правда, у кукурузы были еще забавные разноцветные метелки, а обгрызенный початок походил на дом со множеством крошечных квартирок для каких-нибудь козявок. Но плутать в кукурузном поле среди высоких хрустких стеблей Толику все равно не понравилось — он чуть не заблудился.

Толик немного посидел на плетне и полубовался на то, как по ржаному морю под налетевшим ветерком ходят мягкие зеленые волны. Пахло, к сожалению, не соленой свежестью, как на берегу настоящего моря, а недавно прошедшим на выпас коровьим стадом, оставившим после себя целую россыпь плоских коричневых лепешек. Лепешки весело сохли под утренним солнцем и неудержимо воняли. Толик слез с плетня и пошел по жесткой придорожной траве, внимательно глядя под ноги, чтобы не угодить в жидковатое коровье наследство. Он даже не думал, куда именно идет, но ноги сами принесли его к высокому забору из ладно пригнанных крашенных досок. Забор был ярко-зеленый, калитка в нем — ярко-синяя, а рядом с ней довольно высоко от земли белела кнопка звонка. Звонком, впрочем, пользовались редко, потому что калитка всегда была открыта. Зять бабы Кати, который считался у себя в городе каким-то начальником, иногда выговаривал теще за такую неосторожность, но баба Катя в ответ всегда так искренне изумлялась: «Леша, да ведь тут все свои!» — что он в очередной раз махал рукой и отступал.

Бабы Кати сейчас во дворе не было. Пес Фриц, здоровенная как теленок немецкая овчарка, угрожающе приподнялся со своего места, но при виде Толика успокоился и лишь проводил его внимательным желтым взглядом. Толик, робевший перед Фрицем, бочком пробрался вдоль забора в палисадник.

Мишка чинно сидел на скамейке под кустами шиповника и рассматривал американский атлас динозавров, тот самый, которым хвастался перед Толиком накануне. Он вообще все в жизни делал размеренно: неторопливо пил молоко, с достоинством входил в речную воду, когда отец привозил его на берег в блестящей лакированной машине, невозмутимо вышагивал по деревенской улице мимо яростно шипящих гусей... Казалось, мало что может вывести его из себя, хотя ему было всего десять лет и закончил он только три класса. Так же, как и Толика, его каждое лето привозили к бабушке для поправки здоровья. У Мишки был аккуратный белесый чубчик и розовые, забавно оттопыренные ушки, за которые его, как подозревал Толик, в классе поддразнивали, но которые самому Толику по какой-то смутной причине казались признаком необыкновенного ума.

То, что Мишка был умным, не вызывало сомнений даже у отца и матери Толика, хотя некоторые Мишкины повадки ими совершенно не одобрялись. Дома, в городе, у него было полно всяких красочных энциклопедий для детей, и он любил в разговоре вернуть что-нибудь поражающее воображение вроде: «Между прочим, у Юпитера недавно новые спутники обнаружили, целых три» или «Я читал, что детеныш кенгуру рождается маленьким, размером со спичечный коробок, а потом вырастает до двух метров!» Несмотря на занятую жизнь, большую часть которой составляли уроки, музыкальная школа, изостудия и секция спортивной гимнастики, Мишка часто переживал всякие приключения, о которых тоже умел и любил порассказать. Словом, с ним было интересно, особенно летом в деревне, где

мальчишек такого возраста оказалось совсем мало. Правда, после вчерашнего разговора с родителями в душу Толика закралось сомнение насчет правдивости кое-каких Мишкиных историй...

— Привет! — как можно независимее сказал Толик, но у Мишки все равно вышло еще независимее:

— Привет.

На некоторое время воцарилось молчание. Толик смотрел на перевернутых динозавров. В таком виде они, пожалуй, нравились ему даже больше, но лучше бы Мишка все-таки позвал его сесть рядышком, что ли...

Мишка неторопливо перелистнул красочную страницу.

— Тираннозавр рекс. Видал какой? Плотоядный! Да ты иди сюда, чего стоишь-то?

Толик с готовностью пристроился рядом. Тираннозавр терзал добычу окровавленными квадратными челюстями. Взгляд у него был нехороший, когти тоже не вызывали симпатии. Мясо на ободранном боку жертвы выглядело даже слишком настоящим.

— А это кто? — Толик ткнул пальцем в другую страницу, где рогатый клювастый монстр вел на водопой второго монстрика, поменьше.

— Трицератопс. Я их уже почти всех вчера выучил. Ну то есть я и раньше знал, но иногда путался. А теперь точно запомнил. А вот, гляди, динозавры яйца!

— Они что, в гнезде, что ли, их откладывают?

— Тхе! — издал Мишка свое фирменное снисходительное хмыканье. — Сам ты «в гнезде»! В песке, вот где.

— А вот и нетушки! — Толик успел пробежать взглядом надпись под картинкой. — «Некоторые динозавры (например, майазавры) устраивали на земле большие гнезда, в которые откладывали до двадцати яиц»!

— Ну, майазавры, может, и устраивали, — милостиво согласился Мишка. — Ясное дело, что на земле. А где же еще? На дереве, что ли? Лапами так — пыр-пыр-пыр!

Он изобразил, как бескрылый динозавр пытается взлететь на дерево. Оба мальчика рассмеялись.

— Классный атлас, да? — спросил Мишка. Он уже спрашивал это вчера, но Толик и сегодня готов был с ним согласиться. — Вот мне бы еще один, но не с динозаврами, а с пришельцами. У папки попрошу, чтобы купил. Я видел, где они продаются.

— И где же?

— Да ты-то не знаешь этот магазин — ты же не из нашего города. А там такой здоровый атлас, еще больше, чем этот. Раза в два. Вот такие картинки, — Мишка развел руки, показывая. — В нем есть всякие виды: и на людей похожие, и на ящериц, и на осьминогов... Одноглазые есть. Они такие синие, на лице только один большой глаз, и ни носа, ни рта — ничего. А на руках по восемь пальцев.

— Ты таких в жизни видел? — тоном провокатора спросил Толик.

— Не-а, таких не видел. Я видел других, — не моргнув глазом заявил Мишка. — С хоботом и с вот такими когтями!

— Как в той киношке?

Мишка насторожился:

— Это в какой?

Толик пожал плечами с деланным равнодушием.

— Не знаю. Я краем глаза смотрел, а название не запомнил.

Мишка немного подумал и осторожно сказал:

— Может, их кто-то еще, кроме меня видел, а потом в кино показал.

— А может, ты вообще наврал все? Фильм-то не настоящий, а фантастический!

Толик даже испугался собственной прямоты. Ссориться с Мишкой ему на самом деле не хотелось, а хотелось только установить правду, но выходило, что одно неизбежно вытекает из другого.

Приятель насупился и посмотрел на него. Краешки оттопыренных ушек слегка заалели.

— Почему же сразу «наврал»? Это все правда было. Откуда мне знать, кто их еще видел? Они где хотят, там и летают.

— Ну-ка, расскажи тогда, как ты их видел!

— Я уже рассказывал.

— Ну и еще раз расскажи!

— А если я не хочу?

— Вот я и говорю: наврал!

Мишка оценивающе оглядел обидчика. Хотя Толик был на год младше и с виду тоньше, царапины на загорелых руках и ногах, видимо, производили впечатление. Мишка вздохнул и не стал драться, а начал — сперва занудным голосом, но постепенно вдохновляясь:

— Ну, я сидел в прошлом году здесь, у бабы Кати в палисаднике. Вечером. Вижу — упала звезда, большая такая, яркая-яркая. Как бы и не звезда совсем. Я взял фонарик, запомнил место, куда она грохнулась, и пошел. Это было вон в той стороне, за теми деревьями. Шел-шел, уже стало совсем темно. Волки выли, не рядом, правда, а где-то вдалеке. Потом смотрю — впереди за ветками свет. Я лег и пополз под кустами, чтобы меня не заметили. Подкрался ближе, выглядываю — а там космический корабль! Не тарелка, а такой... овальный, длинный. Наполовину в землю воткнулся. Огоньки по нему так — у-у-у, у-у-у! — кругами бегают. Я подошел, потрогал его, а он теплый, как батарея. Сделан из какого-то белого металла, на Земле такого не бывает. Ну, я взял и постучал по стенке, просто так, проверить — зазвенит или нет. И тут открывается люк...

Толик ревниво слушал. Мишка рассказывал увлеченно, с подробностями, так что легко верилось в правдивость его слов. Было непонятно, как можно поймать его на вранье, если у него для всего были заранее готовы объяснения. Да Толику уже и не хотелось ловить, совсем наоборот, ему хотелось, чтобы ошибался папа, а не Мишка. Потому что

невозможно счастливо жить на свете, когда знаешь, что люди совсем одни в такой огромной и равнодушной Вселенной.

* * *

На обратной дороге с речки Толик разомлел, плелся за родителями и жалел, что он не малыш, который мог бы попроситься к отцу на плечи. Если бы попросился, может, папа бы и донес его, конечно, но гордость не позволяла. Вот и оставалось только жалеть. Хотя на берегу было здорово, и даже то, что в воде плавало много ряски и кувшинок, оказалось интересно. На высоком обрыве, поднимавшемся в небо, — между сосен, у которых толстые корни торчали из глинистого откоса, как узловатые пальцы, — стоял облупленный обелиск с заржавленной звездой. Папа сказал, что это памятник селянам, которые ушли воевать с фашистами и погибли. Толик вскарабкался по крутой боковой тропке вверх, помахал оттуда родителям и постоял рядом с памятником, рассматривая. Надписи на обелиске почти стерлись, весь он был покрыт бесформенными рыжими пятнами и какими-то белесыми потеками и больше всего напоминал маленький звездолет, залетевший случайно в чужой мир, потерпевший здесь крушение и так и не дождавшийся помощи. Тонкие железные ножки глубоко вросли в почву, и улететь было невозможно.

Еще на берегу были три ленивые собаки — рыжая, черная и пятнистая, — которые ничего не делали, только лежали и, высунув розовые языки, пристально смотрели на купающихся. Толик бросил им кусок хлеба. В первую минуту собаки вообще не обратили на это внимания, но потом одна, не вставая с места, вытянула узкую морду, понюхала хлеб и осторожно взяла его зубами. Ее подруги равнодушно следили, как она управляет с подачкой, и не делали никаких попыток отнять еду.

Доплеться до бабушкиного крыльца, Толик с размаху плюхнулся на ступеньку и привалился виском к крашеному деревянному столбику перил.

— Уф! У меня на последней улице прямо чуть ноги в узелок не заплелись!

— Слабоват ходок! — засмеялся папа. — Сразу видно, городской житель: привык везде на автобусах ездить. А мы в твои годы в школу за четыре километра ходили!

Толик изумился:

— Тогда что, автобусов еще не было?

Родители засмеялись. Долго разговаривать не хотелось: уж очень вкусно пахло из кухни блинчиками с мясом. Бабушка Анна Сергеевна вышла на крыльцо, обмахиваясь фартуком. Лицо у нее было покрасневшее и влажное.

— Пришли? Ну-ка, руки мыть и за стол! Что, Толюшка, нравится тебе наша речка?

— Угу. Баба Аня, а я там космический корабль нашел! Только ржавый уже.

— Да ты что? Где же это у нас такое диво?

— Это он про обелиск, — пояснила мама, стряхивая у дверей босоножки. — Про тот, который на откосе.

— Интересно, — мечтательно перебил Толик, — откуда он прилетел?

Папа обхватил его одной рукой и приподнял:

— Вставай, исследователь! Блины стынут. Пошли руки помоем.

Толик слышал, как мама позади них сказала бабушке, то ли извиняясь, то ли жалуясь:

— Космонавты растут. Для них зеленые человечки с Альфы Центавра понятней, чем родной прадедушка.

Засиделись допоздна, так что Тарзана Толик отправился кормить в темноте. Бабушка хотела сама, но внук, у которого глаза уже слипались, заартачился:

— Баба Аня, ты мне всю дрессировку испортишь! Я Тарзана уже почти научил улыбаться, а так он же все забудет!

— Ну иди-иди, дрессируй, — отступила бабушка. — Дрессировщик... Смотри не разбалуй мне пса. А то воры придут, а он, улыбчивый такой, вместо того, чтобы лаять — нате вам! — еще облизывать их начнет!

В густых поздних сумерках не видно было, улыбается Тарзан или нет, но прыгал и звенел цепью он весело. Толик постоял у собачьей будки, слушая, как пес причмокивает и даже негромко урчит от радости.

Звезд высыпало уже много, но они пока были мелкими и робкими. Над лесом, подножие которого терялось во тьме, еще виднелось белесое зарево, тонкая размытая кромка, которая все тускнела и тускнела, отчего лес постепенно сливался с наползающей по небу от востока чернотой. Толик подозрительно разглядывал небосвод. Вроде бы ничего холодного, угрожающего или враждебного вверху сейчас не ощущалось. Но ведь трудно чувствовать себя одиноким, когда рядом кто-то так упоенно грохочет миской и хрустит высохшими хлебными корками.

Толик хотел уже поворачиваться и идти спать, как вдруг... Это было настоящим подарком, чудом. С неба, промелькнув мгновенной яркой искрой, сорвалась звезда! Он не успел ни рассмотреть ее как следует, ни понять, с какого места она отвалилась, но глаз сам отметил направление падения и две древесные кроны, еще выделявшиеся на темном фоне, между которыми скрылся небесный гость. Толик стоял и смотрел в ту сторону, смотрел во все глаза, но больше ничего не происходило. Он боялся, что раздастся взрыв, когда инопланетный корабль столкнется с землей. Но, видимо, посадка прошла более-менее успешно.

По-хорошему, нужно было бежать на помощь. Если это действительно пришельцы, то кто знает, как действует на них земной воздух? Мишка рассказывал, что кислород для многих инопланетян — настоящий яд... Но уже звала в дом мама, да и ночной лес выглядел угрюмо и неприветливо. Пожалуй, в такой темноте и фонарик-то слабо поможет. Да, а вот Мишка не побоялся — взял и пошел совсем один спасать пришельцев!..

— Толик!

— Да иду, иду! — крикнул он с тоской и досадой, уже не в первый раз понимая, что Мишка во многих отношениях лучше: смелее, смекалистее, начитаннее... «Ночью уйду! — решил Толик. — Дождусь, пока все заснут, и уйду!» Ясно было, что взрослые мало того, что не пойдут искать чужой корабль, так еще и обязательно станут мешать ему, Толику, — бросятся отговаривать или просто не пустят, и все. Так что надеяться можно было только на себя.

Усыпляя мамину бдительность, он покорно вычистил зубы, ополоснул ноги холодной водой, вытерся жестким полотенцем и без уговоров спрятался под одеяло. Через некоторое время заглянул отец — пожелать спокойной ночи. Потом пришли мама с бабушкой и долго стояли в дверях, обсуждая Толикову худобу и как с ней бороться. Толик хмуро и многозначительно молчал.

— Да он сомлел совсем! — наконец поняла бабушка. — Спи, золотой мой, у нас хорошо спится! Особенно ребятишкам. Мы-то, старики, все равно от любого шороха вздрагиваем...

В доме погас свет, но темнота еще не была молчаливой: отовсюду слышались какие-то поскрипывания и позвякивания, то вспыхивал отдаленный лай, то как будто поблизости кто-то переступал тяжелыми копытами и вздыхал... Толик лежал, глядя на окно, снизу до половины закрытое широкой полоской ситца. Над занавеской за стеклом виднелось несколько звезд, смотревших пристально и неотступно, словно испытующе.

— Я пойду, — прошептал им и себе Толик. — Вот подожду, пока бабушка крепче заснет, и обязательно пойду! У меня даже запасная батарейка для фонарика под подушкой спрятана. Вот!

* * *

Утром с другого конца села приехал на тракторе самый старший папин брат дядя Виталий — помочь бабушке выкорчевать дряхлую высохшую грушу. В любой другой день Толик пришел бы в восторг от такого развлечения, тем более что дядя был веселый, общительный и, само собой, обещал прокатить на своем тарахтящем транспорте. Но сегодня настроения развлекаться не было. Мучил стыд — за то, что не выдержал накануне, заснул и бросил инопланетян в беде. Теперь вообще непонятно, живы они еще или нет. Так что суэта вокруг бабы-Аниной груши только раздражала. Нашли, чем заниматься: там, может, разумные существа при смерти, а они кудахчут над какой-то трухлявой деревяшкой!

Пока все суетились в саду, никакой возможности уйти не было. Нельзя сказать, что Толик не получал уж совсем никакого удовольствия от происходящего — не каждый день у тебя на глазах выворачивают трактором здоровенный кряжистый пенёк, от которого вокруг по траве вздыбливаются рыхлые волны, а из них, расплескивая во все стороны прохладный земляной запах, появляются влажно-коричневые корни-щупальца. Но при мысли о

щупальцах стало опять как-то мутно на душе. Вот интересно, если инопланетяне в том корабле со щупальцами, то их нужно будет в речку пускать или нет? Вдруг у них запасы воды вышли и они погибают от перегрева и пересыхания...

Покончив с делами в саду, взрослые переместились в дом. Бабушка накрыла на стол, дядя Виталий и папа сели за вареную молодую картошку с огурчиками, откупорили прозрачную бутылку, и в комнате сразу остро запахло спиртным. К вечеру ждали еще среднего папиного брата дядю Николая, потому что на другой день с утра собирались перекрывать крышу на бабушкиной летней кухне. Мама то и дело ходила туда-сюда с тарелками добавки и еще какой-то ерундой. Словом, кажется, подвернулся случай незаметно ускользнуть.

Толик подумал-подумал, прихватил с кухонного стола два куска хлеба и мытый длинный огурец, сунул их в полиэтиленовый пакет, туда же определил фонарик и запасную батарейку к нему — вдруг в корабле пришельцев испортилось электричество! — потихоньку извлек из комода в родительской спальне пузырек йода и пакетик с новым бинтом и, держа свою ношу перед грудью, чтобы сзади не было заметно, прогулочным шагом двинулся через двор к воротам. К счастью, никто из взрослых не обратил на него внимания. Мурза, разлегшийся на травке у самых ворот, выставив брюшко и изящно вылизывая пушистую заднюю лапу, посмотрел настороженно, но не двинулся с места. Он явно считал, что есть дела поважнее спасения потерпевших аварию инопланетян.

Толик взглядом измерил расстояние от дома до леса. Идти предстояло далеко, и его могли заметить. Вот где пригодилось бы кукурузное поле: ты никого не видишь, но и тебя никто не видит! Ржаные волны были красивы, но укрыть могли только до пояса. Не ползти же в них... Потом мелькнула спасительная мысль: надо позвать с собой Мишку, как человека более опытного и вообще лучше разбирающегося в пришельцах! Тем более что от Мишкиного дома можно добраться до леса другой дорогой, и там уж мальчиков точно никто не остановит. Немножко жалко было делиться тайной, но чем не пожертвуешь для пользы дела...

К сожалению, Толику и здесь не повезло. Уже шагая по улице к баба-Катиному дому, он увидел, как в открытые зеленые ворота с синей калиткой въезжает белая «тойота-корона». Это означало, что приехали дядя Леша и тетя Настя и Мишке вряд ли удастся уйти из-под родительской заботы до самого вечера. Толик оглянулся и посмотрел вдаль на две уже ставшие знакомыми сосновые верхушки. Ничего не оставалось, как пуститься в путь самому. На минуту сделалось зябко, несмотря на жаркий день, и даже слегка боязно. Но, в конце концов, пришельцам могло быть намного хуже. Толик попытался представить, каково им — в совершенно чужом лесу, вдали от родной планеты, в мертвом, потерявшем свою летучесть корабле... Он покрутил головой, старательно вытер повлажневшие глаза о рукава футболки и повернул к лесу.

* * *

Жаркая пыльная дорога оказалась гораздо длиннее, чем Толику виделось издалека. Поля по обочинам тянулись и тянулись, с одной стороны была все еще рожь, а с другой уже желтела люцерна, и две далекие сосны приближались медленно, зато все чаще терялись среди других деревьев. Толик, поразмыслив, решил, что главное — идти в нужную сторону, а там он уж как-нибудь разберется на месте, какие сосны ему нужны, а какие нет. Волки, которых упоминал в своем рассказе Мишка, его пока не очень заботили: среди бела дня на открытом месте они казались фантастическими даже больше, чем пришельцы с осьминожьими щупальцами. Кстати, плохо будет, если инопланетян действительно придется тащить к воде. До речки, куда Толик накануне ходил с мамой и папой, отсюда было, прямо скажем, далековато. Вот где пригодился бы дядя Виталий со своим трактором! Но попробуй заговори с ним об этом — в ответ услышишь только смех. Совершенно непонятно, почему корчевать трактором пни считается серьезным делом, а спасти инопланетных космонавтов, которые, может быть, специально прилетели издалека, чтобы встретиться с братьями по разуму, — нет.

Толик сел на полоску запыленной травы у дороги и устало огляделся. Хотелось пить, но захватить с собой воды он не догадался. Правда, у него был огурец, но кто знает, сколько еще идти и сколько придется пробыть там... Толик деловито осмотрел продолговатый зеленый овощ и решил, что уж хвостики-то у него обгрызть можно. Жажда после этого немного утихла и даже как будто прибавилось сил. К тому же обнаружилось, что до леса уже рукой подать. Толик в который раз отыскал глазами приметные древесные верхушки и пошел дальше.

С дороги пришлось сойти — она поворачивала совсем не туда, куда было надо, — и протопать немного по люцерновому полю. Желтые цветы щекотали под коленками, вокруг стояло густое низкое жужжание. Пчелы Толика еще ни разу в жизни не кусали, и сейчас он хоть и пробирался по полю с опаской, все-таки по-настоящему их не боялся. Добравшись наконец до опушки, он перевел дух и огляделся. Нужных сосен отсюда уже не было видно, но, кажется, они находились еще правее. Почти сразу, как заканчивалось поле, начинались кусты дикой малины. Переспелые ягоды висели на них, горя на солнце, как маленькие грозди слипшихся рубиновых бусин. Их сок был теплым и очень сладким, но желающих полакомиться им хватало, поэтому редко попадалась ягода без какой-нибудь крошечной козявки снаружи или внутри.

Подкрепившись малиной, Толик двинулся дальше. Идти стало легче и интереснее. В лесу стоял прохладный зеленый сумрак, где-то над головой пересвистывались и перещелкивались разные птицы. Их звонкие голоса нравились Толику, а вот разглядеть самих свистунов в вышине было трудно.

Правда, в кустах кто-то временами копошился и вспархивал, но происходило все как-то уж очень быстро, не уследить.

Лес был полон своей, совершенно не похожей на человеческую, жизнью. Кто-то шуршал, кто-то жужжал, кто-то свистел или зудел, и при этом совершенно нельзя было определить, занят этот кто-то делом или издает эти звуки просто для собственного удовольствия. В траве попадались малюсенькие синие фиалки, а иногда довольно крупные анютины глазки с красивыми трехцветными лепестками, и еще какие-то пышные высокие растения с пунцовыми соцветиями из множества крошечных колокольчиков. Их здесь никто не сажал, они росли сами по себе на радость пчелам и всяким зайцам.

Толик попытался представить себе, как выглядит все это с точки зрения существ с совершенно, ну просто абсолютно другой планеты. Выглядело, пожалуй, занятно, но как-то бессмысленно. От таких размышлений сделалось немножко неуютно: что если пришельцам не понравится Земля и они больше не захотят сюда прилетать? Что их вообще может здесь заинтересовать, кроме достижений науки и техники? Нет, они, конечно, и животный мир исследуют, и из растений сделают огромный гербарий — так, для интереса, на всякий случай. Поизучают, поговорят и на полку положат, как прочитанную книжку, которую второй раз перечитывать неинтересно... Понятно, что инопланетяне прилетели сюда ради встречи с людьми, а не ради каких-нибудь березок или осин. Но все равно обидно.

Кто-то большой и черный вдруг оглушительно захлопал в прозрачном березовом подлеснике, завершал дурным скрипучим голосом. Толик шарахнулся от испуга и неожиданности, споткнулся о трухлявые остатки березового ствола и упал. Из-под вскинутой на всякий случай руки увидел, как на нижнюю ветку лиственницы неподалеку от него села огромная сорока, опустила блестящий фигурный хвост, качнула черными крыльями с зеленоватым металлическим отливом. Повертела длинноклювой головой, кося глазом на мальчишку, и разразилась громким насмешливым стрекотом.

— Дура глупая! — с досадой крикнул Толик, потому что из-за сороки он ушиб локоть.

А она не слушала, все вертелась, все насмехалась. Захотелось в нее чем-нибудь кинуть, но уж больно красивой и необычно крупной была эта нахалка. Посмеялась, потешилась и улетела, распустив широкие длинноперые крылья.

Толик оправился от испуга, отряхнулся и достал огурец. Вместе с огурцом лежал хлеб, уже успевший помяться и слегка намокнуть. Толик отломил кусок мякиша и насадил его на острый лиственничный сучок, так высоко, как только смог дотянуться. Вдруг сорока опять прилетит — может, у нее где-то поблизости гнездо...

Больше нельзя было терять времени. На ходу кусая сочный огурец, Толик пошел дальше.

Дорог в лесу не было, но иногда попадались узкие полужаросшие тропинки. Некоторые из них шли, как казалось Толику, в нужную сторону, а чаще приходилось шагать прямо через густую траву. Один раз голую руку выше локтя обожгла крапива, которую Толик даже не сразу распознал, такая она была высокая — выше него самого! — и коричневая, словно уже начала превращаться в настоящее дерево. Когда обжегся, тогда уж никаких сомнений в том, что это за коварное растение, не осталось.

Одна попутная тропинка привела его к незнакомому мосту через маленькую, но, похоже, глубокую речушку. Толик удивился: он и не знал, что поблизости есть такая. Вода в реке была очень черной, дна совсем не просматривалось. На поверхности лежали, вытянувшись вслед за медленным маслянистым течением, длинные листья травы, похожей на ту, что росла и на крутых речных берегах, а стебли уходили куда-то вниз, под воду, и терялись в темноте. Мост был уже старый, ходили, видно, по нему нечасто. Вместо отвалившихся с одной стороны дощатых перил кто-то когда-то приспособил срубленную осинку, даже не потрудившись очистить ее от веток. Так она и лежала, криво прикрученная проволокой к покосившимся столбикам, и грустно шелестела мертвыми сухими листьями, которые почему-то не опали.

Перейдя через мост, Толик еще раз заглянул в реку. Вода и здесь казалась глубокой. Он достал фонарик и осветил в бездонную черноту. Луч потыкался в нее, почти не проходя вглубь, а потом вообще получилось так, что гладкая ручка с плоской кнопкой выскользнула из пальцев, на стекле в последний раз вспыхнул солнечный блик и — бульк! — фонарик моментально исчез из виду. У Толика оборвалось дыхание. Он даже «ой» не смог сказать, только схватился ладонями за щеки и несколько минут расширенными глазами смотрел на то место в воде, куда упал фонарик. Нечего было и думать, чтобы достать сокровище с невидимого дна! На всякий случай Толик взял длинную ветку и попытался потыкать ею в ил, но течение повело ветку с такой силой, что ему пришлось выпустить ее из рук. Он побродил вокруг, горестно повздыхал — фонарик действительно был ценной вещью, не говоря уже о том, что мог сильно пригодиться при спасении пришельцев, — но делать было нечего. Не сидеть же весь день на берегу, печально глядя в черную воду, когда твоя помощь требуется совсем в другом месте! Тем более что взрослых все равно рядом нет и пожаловаться на такую беду некому... В сердце легонько кольнула тревога. Толик огляделся вокруг. Лес шуршал и чирикал, монотонно бубнил кукушкой и, казалось, чуть слышно позванивал длинными прядями солнечных лучей, косо падавшими сквозь листву в травяные и цветочные чаши. Он выглядел по-своему уютным, если не вспоминать о том, что, по словам Мишки, в нем водились волки.

Интересно, а как пробирался по ночному лесу Мишка? Даже с фонариком в руках это было, наверное, нелегко: без дорог, сквозь густые колючие заросли малины и ежевики, то и дело спотыкаясь о кочки,

древесные корни и полуразвалившиеся трухлявые пни, путаясь в высокой траве... Тем более для Мишки, который купаться-то на речку выбирался только по выходным, когда дядя Леша приезжал из города на своей «тойоте» и отвозил его туда-обратно!

Толик вздохнул, сердито утер выступившие в уголках глаз слезинки и пошел дальше. Начинало посасывать под ложечкой от голода, а из еды оставался только последний кусок хлеба. Толик решил было приберечь его на потом, но махнул рукой, достал и принялся жевать. Хлеб показался просто до ужаса вкусным, но было его до ужаса мало. Деревья вокруг стояли высокие и чинные, подпирая верхушками начавшие подозрительно розоветь облака. Выбрать верное направление сейчас было уже совершенно невозможно, и Толик встревожился. Ему впервые по-настоящему захотелось, чтобы рядом оказался папа или хотя бы дядя Виталий. И появилась малодушная мысль повернуть назад. Назло этой мысли Толик продолжал шагать, путаясь сандалиями в густой жесткой траве и зорко поглядывая вокруг. Он уверял себя, что идет правильно, но тревога все росла, добавляя неуютности. Может, действительно инопланетян не бывает? Ага, как же! Вон даже атлас специальный про них выпустили, Мишка говорил...

От этих мучительных сомнений Толика отвлекла поляна с лопухами. Лопухов в лесу хватало, но здесь они росли густо и высоко, поднимая листья словно большие зеленые тарелки и заслоняя свет всему, что оказалось ниже и слабее. Сейчас каждый лопуховый лист представлял собой аэродром для бабочек и пчел или прогулочную площадку для гусениц, но Толику вдруг представилось, как, должно быть, красиво блестит на этих листьях роса поутру, когда солнце только-только взошло и еще не высушило влажную после ночи землю, какими крупными алмазами искрятся на густых белесых ворсинках прохладные капли! Он сглотнул от этой мысленной картины — и тут же обнаружил, что просто нестерпимо хочет пить. Речка осталась позади, да и подобраться к темной воде с крутого берега было бы непросто. Вспомнился бабушкин квас, большая запотевшая пластиковая бутылка, принесенная из погреба как раз незадолго до ухода Толика из дому и стоявшая на кухонном столе... Лучше было не вспоминать!

Толик еще несколько раз сглотнул, чтобы во рту не было так сухо и шершаво, но слюны оказалось мало — видно, вся ушла на съеденный недавно хлеб. Дома, как он подозревал, уже начали готовить ужин. Интересно, хватились Толика или не беспокоились, думая, что он бегает где-нибудь по улицам, как обычно? Он спохватился, что довольно долго не думает про инопланетян, потерпевших аварию, и тоскливо огляделся.

Уже совершенно явно смеркалось, маленькие просветы неба высоко между кронами сосен и берез подернулись розовой вечерней позолотой. Лес постепенно делался голубым и мутным, как будто из трав, из кустарников, таких мирных и четких при ярком дневном свете, теперь поднимался разреженный туман. Громко стрекотали кузнечики, но их вроде бы стало вполтину меньше, чем раньше, когда солнце стояло высоко...

Нужно было поворачивать домой. Но Толик уже не мог сказать точно, откуда пришел — расплывчатость всех очертаний совершенно сбивала его с толку, теперь ему даже не удалось бы пальцем показать, в какой стороне находится река и старый мост с перилами из срубленной осины.

Покрикивали птицы, будто предупреждая друг друга о том, что скоро упадет темнота и трудно станет найти дорогу в гнездо. Веселого щебета уже почти не было слышно, только изредка какая-нибудь птаха, забывшись, выдавала трель — и тут же смолкала, смущенная своей неуместной разговорчивостью. Толик передернул плечами. Ему не было холодно, но он очень боялся, что вот-вот испугается и заплачет. Вспыхнула неожиданная и ясная надежда: вдруг лес уже кончается? Вот Толик пройдет еще чуть-чуть — и там будет опушка, за ней поля, а за полями — огоньки села, пусть даже другой его окраины, а не той, на которой стоит дом бабушки Анны Сергеевны. Он брел, спотыкаясь в бестолковой расплывчатой синеве, и надежда гасла, потому что из полутьмы выступали все новые и новые деревья, они и не думали кончаться...

Потом Толик сел и заплакал — тоненько, как малыш. Какое-то время он презирал себя за этот беспомощный плач, потом ему стало все равно и он стал плакать громче, потому что стесняться все равно было некого. Когда он устал и слезы кончились, сумерки были уже темно-синими, а в глубине кустарника слева от него угнездилась полная темнота. Высоко над головой на густо-фиолетовом небе крошечной капелькой росы дрожала бледная звездочка. Толик долго смотрел на нее, но легче ему, понятное дело, от этого не стало.

Он встал и пошел, сам не зная куда. В темноте неловко мазнул локтем по жесткой древесной коре, кожу обожгло, и пальцы, которыми мальчик провел по больному месту, сделались влажными. Толик вспомнил про йод и бинт, но они остались в целлофановом пакете, а под какой кочкой забыт пакет, уже было и не вспомнить... Жара резко пропала, стало прохладно, а потом и холодно. На каждом шагу припоминались волки, и отогнать от себя эту мысль делалось все труднее и труднее. Временами Толик всхлипывал, но уже почти без слез. Плакать по-настоящему тоже было трудно, мешала крупная дрожь, сотрясавшее все тело. Иногда он поднимал голову к небу и, сам того не желая, начинал тихонько подвывать на звезды, заманившие его сюда, а теперь равнодушно и холодно блестевшие далеко-далеко, куда не то что рукой — и на ракете не достать.

Когда впереди вдруг мелькнул огонек, Толик и его принял за звезду и только потом догадался, что нечего такой яркой оранжевой звезде делать так низко среди деревьев. А когда догадался, сердце его забилося тревожно и радостно: там люди! И вдруг он замер, остановленный страшной догадкой. А если не люди? Если совсем чужие инопланетные существа — осьминоги какие-нибудь? Если они враждебные? Или попросту мертвые? Что же ему тогда делать, ведь он совсем один? Толик постоял в нерешительности, повсхлипывал почти беззвучно. К ночному холоду примешивалось

мучительное сосание в пустом желудке и тяжесть в ногах, топавших почти без передышки всю вторую половину дня. Нужно было рискнуть и посмотреть наконец, что там — впереди. Нужно было заставить себя сделать один за другим хотя бы несколько шагов. Потом еще несколько. И еще...

Огонек приблизился. Он был ровным и теплым и не собирался исчезать. В щеку Толика ткнулась крупная ночная бабочка. Толик от усталости даже не смог по-настоящему испугаться. Он сам спешил на огонь, как мотылек, теперь уже не сомневаясь, что там — человеческое жильё. Может быть, избушка лесника или охотника, как в некоторых фильмах. И тогда внутри на стене прибита лосиная голова с рогами, формой похожими на крылья летучей мыши, на полу лежит медвежья шкура, а на полке обязательно пристроено лукошко с грибами или какой-нибудь лесной ягодой... При мысли о съестном желудок свернулся в клубок и громко заурчал.

Уже видна была ограда, и стало ясно, что это одиноко стоящий на опушке дом, что деревья расступаются и лес, кажется, наконец закончился. Тут под ногу подвернулась коряга, Толик упал, больно ушиб колено и все-таки заплакал, хотя совсем не хотел показаться хозяину избушки слабаком. Скоро обнаружилось и другое препятствие — высокая основательная калитка в заборе из штакетника оказалась заперта изнутри на засов, и дотянуться до него человеку детского, девятилетнего роста было невозможно. Толик, спотыкаясь и шмыгая носом, пошел вдоль забора и наконец остановился напротив того места, где над входом в дом горела электрическая лампочка, освещающая широкие деревянные ступеньки, большую добротную дверь и какую-то картинку над ней. Чуть в стороне от лампочки на крыльце сидел худощавый серьезный старичок в очках с тонкой оправой и читал газету. Вокруг раскаленной электрической колбы суетились крупные мотыльки, то и дело заслоняя свет. Старичок временами поднимал голову и неодобрительно смотрел на них, но руками не махал, а, вздохнув, снова принимался за чтение. Читал он тщательно, как будто еще недавно сидел за партой в классе у строгой учительницы Толика Веры Антоновны.

Увидев эту мирную и безобидную картину, Толик не сдержался и завыл в голос. Тут же обнаружилось, что в траве у подножия крыльца скрывалась маленькая белая собачонка самой простецкой породы, со звонким голосом и завернутым в крендель хвостиком. Видно, раньше она следила за Толиком, а тут наконец вздумала его на всякий случай пугнуть.

Старичок при этих неожиданных звуках вздрогнул и поднял голову. У него было круглое лицо, снизу опушенное совершенно белой бородой, а сверху — таким же белым чубом. Брови тоже были белыми, а в глазах за стеклами очков читалось скорее удивление, чем тревога.

— Это кто ж у меня там балуется? — строго спросил он, проворно вставая и подходя к забору, чтобы сквозь щели между штакетинами рассмотреть нежданного гостя. Собачонка вьюном вилась у ног хозяина, заливаясь лаем.

— Это... я-а-а-а...

— Цыц, Зимка, замолчи! Раньше не учуяла, так чего уж теперь... Какой такой «я»? Таких имен не знаю.

— Я-а-а... То-о-олик!

— Вон чего! Ну пойдем, я тебе калитку открою. Ты что же так поздно гуляешь один?

— Я не гуля-а-а-ю. Я за... заблудился-а-а...

— Ну-ну, не плачь! В лесу, что ли, заблудился?

Старичок откинул засов и распахнул калитку.

— В лесу-у-у...

— Заходи, заходи! Пойдем, я тебя при свете рассмотрю. Ты чей будешь? На какой улице живешь?

— На Красно...а-армейской.

Старичок взял Толика за руку и вывел к крыльцу. Упершись руками в бедра, он наклонился так, что лицо его оказалось вровень с лицом мальчика, и внимательно исследовал Толиковы зареванные щеки, покрасневшие глаза и мокрый веснушчатый нос.

— На Красноармейской? Да где же у нас такая? Пять лет почтальоном работал, и не припомню... Погоди-ка! А может, ты не наш, не вышнекамский? Может, ты из Макарьева, а? Там, помню, есть Красноармейская улица.

— Ага, из Макарьева.

— Ну, милый, ты и ходок! Отсюда до Макарьева знаешь сколько? Семь километров, если лесом, напрямик! А по дороге, считай, все десять будут. Зимка, фу!

Собачонка, которая в это время подозрительно обнюхивала сандалии Толика, подняла голову и с укором посмотрела на хозяина.

— И давно ты этак путешествуешь?

— С обеда, — ответил Толик и опять чуть не заплакал, вспомнив, что обеда-то у него как раз не было, как и ужина, и теплого парного вечернего молока.

— Так-так, — старичок в задумчивости схватил себя за мягкую белую бороду и потянул вниз, так что уперся кулаком в грудь, а подбородком — в кулак. — Хватились тебя уже, значит. А как же? Ночь на дворе, а ребенок бродит где-то. Ты к бабушке приехал?

— К бабушке. К Анне Сергеевне. Ее дом на самом краю стоит, возле поля.

— Я и слышу, что выговор у тебя городской. Это какая же там Анна Сергеевна у нас проживает? Фамилия ее как?

— Кирсанова, как и у меня.

Старичок радостно хлопнул себя по бокам. Маленькая Зимка от неожиданности твякнула и отскочила в сторону.

— Ну, гляди! Анны Кирсановой внук! Бабушка твоя — женщина знаменитая, характер у нее — ого-го! Небось, уже все село по тревоге подняла: шутка ли, внук пропал! Вот мы ее сейчас обрадуем, что ты жив-

здоров. Нам неделю назад телефон провели, теперь и беспокоить никого не надо, можно прямо отсюда звонить... Пойдем-ка!

Рука Толика снова оказалась в жестковатой, но приятно теплой ладони старика. Уходя, Толик бросил еще один взгляд на крыльцо — и разглядел широкие белые крылья за спиной у одного из героев картинки, висящей над дверью, а выше на стене — в полутьме над лампой — большой деревянный крест, а еще выше — над навесом — уходящую к небу и закругляющуюся уже где-то в темноте башенку...

— Дедушка, это церковь?

— Церковь, милый, церковь. Храм Благовещенья Пресвятой Богородицы.

— А вы, получается, поп?

Старичок добродушно усмехнулся:

— Да что ты, куда мне в попы! Вот если бы я лет двадцать назад опомнился... А теперь уж поздно. Сторож я. Как на пенсию вышел, так здесь и сторожу. Вот и жилище мое. Заходи, не стесняйся! Сейчас мы чайник поставим да картошку, что у меня от ужина осталась, подогреем... Будешь картошку?

Толик не смог ответить: пришлось срочно сглатывать подступившую к самому горлу слюну. Только кивком и показал свое согласие. Зимка, чуть отставшая по дороге, просунула острую морду в дверь, задумчиво осмотрела хозяина и гостя и улеглась по ту сторону, белея во внешней темноте гладкой шерсткой.

Сторож взгромоздил на газовую печку кастрюлю с картошкой, погремел чайником, пристраивая его над второй горелкой, и направился к телефону.

— Так-так... Кому же нам лучше позвонить? Начальства на месте давно нет, это точно. А вот Милягину Степану позвоню! Он там милиция, ему положено все первому узнавать.

Аппарат оказался старенький, исцарапанный, но старичок так солидно прижимал к уху трубку и так строго разговаривал, как будто был не сторожем, а каким-нибудь директором или даже президентом:

— Алло! Степан? А где же он? Давно? Ясенько... Это Филиппыч из Благовещенского храма. У меня тут мальчонка сидит, Анны Кирсановой внук... Да не я нашел, он сам нашелся. Уже хватились, значит? Ну... Да ты мне не рассказывай, я уж ее знаю. Целый-невредимый, только, может, поцарапался, пока через кусты пробирался. Я его завтра домой привезу, как дежурство сдам. Да куда же вы поедете на ночь глядя? Ну, если так... А машина у них на ходу? Понятненько. Ну, смотрите, как вам удобнее. Успокой там Анну Сергеевну, не по возрасту ей так волноваться-то, не по здоровью... Ну, бывай, Господь с тобой!

Сторож положил трубку и посмотрел на Толика строго, как будто еще продолжал разговаривать с собеседником на том конце линии.

— Что ж ты, герой, ушел и никому ни слова не сказал? Бабушка все село обегала, а ей уж — сколько? — за семьдесят! Милиция битый час на

ногах. Папаня твой скоро сюда приедет, тоже, небось, все успел передумать, где ты да что могло случиться... Куда тебя из дому понесло?

На печке сипло засвистел чайник. Филиппыч наложил большой блестящей ложкой полную миску картофельного пюре, кинул туда жареных грибов с обширной сковородки и, перекрестив, поставил все это великолепие перед Толиком. Тот снова сглотнул, захлебываясь аппетитными запахами, и тихонько, невнятно ответил:

— Я корабль ходил искать.

— Что за корабль? Где?

— Космический. Который, как звезда, в лес упал.

Сторож сел на табурет напротив Толика и удивленно вздернул белые пушистые брови:

— Да ну? А мы про такие чудеса и не слыхивали! И как, нашел?

Толик огорченно помотал головой и выдавил сквозь набитый картошкой рот:

— Нет. И еще заблудился.

— А хорошо искал?

— Угу.

Филиппыч подумал и осторожно спросил:

— Так, может, и не было его? Может, это просто обычное дело — метеор или метеорит?

Толик насупился.

— Метеор — это неинтересно совсем, — хмуро сказал он, прожевав. — И метеорит — неинтересно.

— Ну так и что ж, что неинтересно? А если это правда?

Толик не мог ответить, потому что только что отправил в рот новую ложку с грибами. Старичок терпеливо ждал, не переспрашивал.

— Тогда, может, правда и что инопланетян не бывает? — горько спросил Толик, проглотив еду. Самое обидное было то, что он и сам уже почти не сомневался, что никакого корабля не было. — Может, мы тогда во всем космосе совсем одни? Вы представляете: сто тысяч звезд, сто миллионов планет — и никого на них нет, никого живого! Зачем тогда мир такой большой? Хватило бы и одной планеты, нашей. Другие ведь тоже зачем-то нужны? А если на них пусто, то выходит, мы совсем-совсем одинокие? Ну и для чего жить-то тогда, а?

Филиппыч, видно, был ошеломлен. Он не усмехался, как папа иногда, не прерывал, а слушал, и во взгляде его читалось сочувствие.

— Да, милый, — вздохнул он, выслушав до конца. — Задали вам задачку! И что же, у тебя друзей нет?

— Почему нет? Есть.

— И родители есть?

— Ну, есть... Только при чем здесь это?

Сторож удивился:

— Как это «при чем»? Какое же одиночество, когда у человека столько всех есть?

Толик облизал ложку, взял кусочек хлеба и принялся очищать им тарелку. Мама вообще-то не разрешала ему так делать, но тут был особый случай.

— Это же все обыкновенное. Родители у всех есть.

— Ну, положим, не у всех. — Старичок нахмурился, но потом вдруг лукаво глянул на Толика. — Ты, скажи, бабушку-то свою побаиваешься немного?

— Побойваюсь, — признался Толик, вспомнив бабушкин командирский бас.

— Ну-ну... А уж как мы ее, бывало, побаивались! Шутка ли — главный агроном! При ней не то что подчиненные, колосья в поле по стойке «смирно» стояли. А не будь у нее такого характера, разве она бы троих сыновей одна, без мужа, подняла? Дедушка-то твой рано умер, царство ему небесное... А одинокой женщине с тремя парнями, думаешь, легко управиться? Ты чей сынок будешь? Как папку зовут?

— Максим.

— Это младший, значит? Младшим она всегда больше всех гордилась: институт закончил, ученый человек, математик! Вот и представь — он ведь без отца рос. Не было у него своего папки, как у тебя. Некому было за ним, если что, на машине приехать. А ты говоришь: у всех есть родители...

— Я же не про то говорю, — не сдавался Толик. — Инопланетяне — это совсем другое дело!

— Конечно, другое! — с охотой согласился Филиппыч. — Про своих-то ты всегда знаешь, что они если и ругаются, то не со зла. Вот, скажем, покричит на тебя мама, да через час уже простит. А инопланетяне, кто их разберет? Они и ведут себя, и разговаривают, поди, не по-нашему...

— У них аппараты есть для перевода. И вообще техника лучше, чем у нас!

— Техника еще никому характер в добрую сторону не исправила. У фашистов в Отечественную войну, знаешь, какая техника была? Ого! Танков — лавины, от самолетов небо темнело. А они женщин и детей — вот таких, как ты, — на расстрел отправляли. Нет, милый, не в технике дело. Главное, любить им нас не с чего, инопланетянам твоим. Ни мы их не знаем, ни они нас. Даже если прилетят они, пока мы разберемся, чего им от нас надо! А если еще и обманут, если у них хитрость какая-то? То-то же... Давай-ка я тебе чайку плесну. У меня еще и пряники остались. Любишь пряники? Вот, ешь! Нет, ближе родных мамы с папой никого у нас нет и не будет, ни с какой красивой звезды. Это я тебе точно говорю.

Толик пожал плечами. Он начинал привыкать, что взрослые ничего не понимают. Ему почему-то и самому стало уже почти все равно.

Чай был горячим, пряник таял в руке, нагретой прикосновением к кружке. Толик, совсем расслабившись, облизал сладкие липкие пальцы. Ему

было сытно и спокойно, и от этого клонило в сон. Ноги гудели, усталая спина все время сгибалась, так что в конце концов он положил локти на стол, а голову опустил на скрещенные руки и смотрел на Филиппыча осоловелыми глазами.

— Что, милый, спишь уже? Мы с тобой вот что сейчас сделаем. Мы пойдем твоего папаню встречать. Боюсь я, как бы они в темноте поворот сюда, к нам, не промахнули. За деревьями-то света не видать, проедут мимо и не заметят. На-ка, набрось мою куртку, свежо сегодня.

Толик неохотно поднялся с теплого насиженного места. Выходить в темень, на холодную улицу, не хотелось, да и сил уже почти не было. Зато обрадованная неожиданной прогулкой Зимка вертелась под ногами и без усталости крутила хвостом.

— Ничего-ничего! — говорил сторож, запирая церковные ворота. — Тут недалеко. Днем указатель хорошо видно, а вот ночью... Мы на шоссе выйдем и там подождем. Мимо нас уж не проедут, обязательно заметят!

Доплелись до шоссе напрямик сквозь негустой березняк. Тропинка терялась в темной траве, и Толик шел за Зимкой, белая спинка которой мелькала впереди. Когда деревья кончились, сторож с мальчиком пересекли узкую лужайку и поднялись на невысокую шоссеиную насыпь.

Перед ними до дальнего низкого горизонта открылось сплошь иссеребрянное звездами ночное небо. Оно текло над головой медленно и величаво, переливаясь бесчисленными светлыми брызгами, мокро, росно поблескивая, одаря прохладой усталую после долгого знойного дня землю. Месяц еще прятался где-то за лесом, и звездный свет стелился над притихшим миром ласковой туманной поволокой, и казалось, влажный ветерок тоже налетал откуда-то сверху, взьерошивал волосы и траву — и снова уносился ввысь, невидимый, не подвластный тяготению, не знающий тревог. Самые крупные из звезд дрожали, готовые вот-вот пролиться вниз, на почти не различимое в темноте поле по ту сторону шоссе. Толику даже почудилось, что одна мокрая капля упала ему на щеку... Небесная река текла, плыла в вышине, омывая, умывая все вокруг, и не было видно ни начала, ни конца ее неспешному движению, но от этого почему-то делалось не страшно, а прохладно и щекотно где-то внутри. Как будто и там все разом вымыла чистая, свежая волна. Чернота просвечивала сквозь звездный туман, как дно сквозь речную воду, она тоже была чистой, и казалось, мелкие звездочки чуть-чуть перекатываются по ней — туда-сюда, — будто песчинки, которые колеблет прибой...

— Красота-то какая! — взволнованно сказал Филиппыч. — Слава тебе, Господи! — и, широко перекрестившись, поклонился в пояс.

Толик ничего не говорил, только смотрел на небо, вдыхал его вместе с прохладным воздухом и думал о том, что бороздящая просторы Вселенной тарелка с разноцветными огнями была бы, сейчас, пожалуй, лишней...

Вдали на дороге блеснул свет автомобильных фар. Машина шла быстро, вот она провалилась в седловину между небольшими холмами, вот снова

выскочила наверх. Электрические лучи то ломались на поворотах о кромку придорожного леса, то распрямлялись и стелились по шоссе по полотну. Наконец автомобиль вынырнул совсем близко, сверкнув фарами в глаза стоящих на обочине людей, маленького и старого.

— Едет папаня твой. Вон как торопится, гляди! А ты говоришь — «одинокий я»! Совсем скоро домой попадешь. Мать-то с бабушкой, поди, отругают, а потом всю ночь спать не будут от радости, что с тобой ничего плохого не случилось...

Машина вильнула, сбрасывая скорость, фары дальнего света погасли, покрышки закрипели по гравию. Зимка, до этого деловито шуршавшая неподалеку в траве, подскочила и звонко, сердито залаяла. Толик узнал серую «Волгу» дяди Николая и самого дядю за рулем. Папа уже распахнул переднюю дверцу, и стоило машине остановиться, как он выскочил из нее и побежал к Толику. Едва поздоровавшись со сторожем, присел на корточки, схватил сына за плечи, развернул к себе, ощупал.

— Цел? Ничего не болит? Где ты был? — В голосе слышалась незнакомая хрипотца, как будто отец простудил горло.

— Я заблудился...

Кажется, никакие ответы были не нужны. Папа прижал Толика к себе так, что тот ойкнул и закашлялся.

— Ну вот! — радостно сказал старичок. — Вот и все в порядке. Все нашлись, все живы-здоровы. Слава Богу!

Подошел дядя Николай.

— Здравствуйте, Михаил Филиппович!

— Здоров, Коля! — сторож поднял голову и посмотрел в лицо высокому широкоплечему дяде. Пушистая бородка смешно задралась. — Как дела?

— Спасибо, живем помаленьку. Где наш малец-то отыскался?

— Сам из леса на свет вышел. Я уж всех проводил, ворота запер. Сижу, читаю газету — и тут он!

— А мы собрались с братьями матери крышу чинить. Я запоздал, на работе продержали. Приезжаю вечером — в доме переполох: ребенок пропал. Мать уже всех построила, Степан Милягин собрался из района подкрепление вызывать, чтобы лес прочесывать. И тут как раз вы звоните...

Папа теперь стоял, держа Толика на руках, как маленького, и даже легонько укачивая. От отцовского плеча пахло кожаной курткой, табаком и немножко бензином. Дядя Николай прощался со сторожем.

— Ну, бывайте, ребята! А ты, — Филиппыч подошел и легонько прищепил Толику нос двумя пальцами, — не уходи больше из дому, слышь? Вон какой тарарам всем устроил! С Богом!

Когда машина тронулась, Толик, возившийся на заднем сиденье, обернулся и помахал старичку. Тот махнул рукой в ответ, быстро перекрестил отъезжающий автомобиль, повернулся и пропал в темноте.

Зимка белым пятнышком скользнула за ним. Только потом Толик спохватился:

— Куртка! Куртку забыли дедушке отдать!

Дядя Николай мельком глянул назад.

— Завтра съезжу, верну.

— Поблагодари его, — виновато вмешался отец. — Может, ему денег предложить?

— Не надо ничего, — проворчал дядя.

Ненадолго в машине стало тихо.

— Давно он вернулся? — спросил папа.

Толик хотел спросить: «Кто?» — но вовремя понял, что вопрос обращен не к нему.

— Да уж лет десять назад.

— Я и не знал...

— А откуда ты мог знать? Он, как приехал, сразу в Вышних Камах поселился. Здесь-то у него никого не осталось: родители умерли, брат когда-то давно сгорел по пьянке. Жениться он, видать, так и не женился, вот и живет один. Первое время служил почтальоном, но здоровье начало подводить. Теперь сторожит...

— В школу больше не пошел?

Дядя покачал головой.

— Нет. Может, там, на севере, и работал, а здесь уже не стал. Ваш класс — последний, кого он математике учил.

— Да... — отец вздохнул. Помолчал немного, потом снова заговорил:

— На мать-то нашу он зла не держит?

Средний брат пожал плечами, не сводя взгляда с дороги.

— Вроде, нет. Кто его разберет? Так вот взять и человеку всю жизнь переиначить... Из-за каких-то книжек.

— Ну, тогда же это считалось крамолой...

— Тогда считалось. А теперь поди разберись, что действительно было крамолой, а что — нет.

— Это точно...

Толик слушал, не понимал и чувствовал, как тело под покачивание машины наполняется густой дремой, в которой путается все: переспелая малина на солнце, черная вода лесной реки, лопуховые листья, картошка с грибами, маленькая белая собака и высокий величественный небосвод в серебристых звездах. Только когда «Волгу» тряхнуло при съезде с шоссе на проселочную дорогу под названием улица Красноармейская, он немного пришел в себя и принялся торопливо оглядываться, но за окнами быстро и однообразно мелькали чужие огни.

* * *

Дома встретили мама и бабушка, обе заплаканные, мама — притворно сердитая, бабушка — не сердитая совсем, как будто все ее командирские

повадки взяли и разом из нее куда-то вытряхнулись. После оханья, новых, уже радостных слез и напрасных попыток накормить Толика ужином родня наконец заметила, который час на дворе, и дружно проводила мальчика в спальню. Все пожелали ему спокойной ночи, дядя Виталий долго похлопывал его по плечу, обещая завтра обязательно прокатить на тракторе, мама со всех сторон подоткнула одеяло и все стояла в дверях, когда остальные уже ушли и выключили свет...

Глаза у Толика слипались, но пришел еще папа, сел в темноте на краешек кровати и негромко спросил:

— О чем вы там разговаривали с... со сторожем?

— Об инопланетянах, — сонно пробормотал Толик.

Отец изумился:

— Да? И... и что же он сказал?

— Что ты лучше... И мама... И бабушка... Пап, я так спать хочу на самом деле!

— Ладно-ладно, спи!

Папа встал, постоял немного, как будто хотел еще что-то спросить, но это Толик чувствовал уже сквозь сон, а как отец ушел, даже и не помнил.

Толику казалось, что после такого долгого и щедрого на приключения дня он будет спать, спать — до самого утра, а то и до обеда. Но когда он проснулся, за окном еще висела темень с проблесками звезд. Сон куда-то подевался из глаз, усталость тоже пропала. Тело было легким и гибким, так что в кровати не лежалось. Толик подошел к окну и отодвинул занавеску.

Над двором и полем висел месяц и, несмотря на свою тонкость, казался очень ярким. Вдали у ворот вспыхивал и гас красный огонек сигареты. Приглядевшись, Толик узнал стоявшую, опершись на плетень, фигуру и удивился: ведь уже очень поздно. Почему же папа не ложится? Темный силуэт казался хрупким и одиноким, до горечи во рту, до острой грудной боли. Захотелось выбежать, прижаться к отцу, опять почувствовать знакомую смесь запахов и сказать что-нибудь вроде: «У тебя есть я!..»

Кто-то быстро промелькнул от дома к воротам. Толик увидел, что к отцу подошла мама. Они поговорили о чем-то, потом обнялись и долго оставались так, глядя на небо и поле, уходившее за воротами к лесу. Было почему-то очень приятно и тепло смотреть на них, как они стоят там вдвоем, забыв про дневные размолвки и разные дела и думая, наверное, только друг о друге и о нем, Толике... Наконец, мама поцеловала отца и ушла в дом.

Крашенные половицы слегка охладили босые подошвы, но отходить от окна не хотелось. Фигура отца под богатым звездами небосводом теперь выглядела спокойной и задумчивой. Отец стоял там, и Толик знал, что смотрит он на небо — а куда еще смотреть в такую звездную ночь? — как будто ждет чего-то, какого-то ответа или знака, как всего день или два назад ждал сам Толик. А небо смотрит на отца сверху — и тоже ждет, терпеливо, ласково и открыто, распахнувшись от горизонта до горизонта, щедрое, как любовь близких, родных людей, прозрачное до самых удивительных глубин,

тихое и мудрое, как доверие. Может быть, они с отцом даже ведут сейчас неслышный разговор — обо всем важном и настоящем, обо всем, что для человека главное. А может быть, просто смотрят друг на друга, улыбаются, любят и молчат...

Успокоенный, Толик прошлепал к своей постели, забрался под мягкое лоскутное одеяло — и сразу перенесся в цветные сны.